

периода приписки его к заводам и рудникам. Более того, в рамках этого взаимодействия приписные крестьяне стали побуждающим фактором для перехода власти с уровня регламентации феодальной повинности в русло экономического и правового регулирования. Исторически все-таки баланс инте-

ресов во взаимоотношениях власти и народа в приписной деревне к середине XIX в. стал критерием для определения положительного или отрицательного влияния соседства с горнометаллургическим комплексом на жизнь приписных крестьян.

Поступила в редакцию 15.09.2006

Литература и источники

1. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете. СПб., 1854. Ч. 2.
2. Жеравина А.Н. Очерки истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Томск, 1985.
3. Зобнин Н.М. Приписные крестьяне Алтая // Алтайский сборник. Томск, 1894.
4. Жидков Г.П. Наемный труд в хозяйстве кабинетских крестьян Западной Сибири первой половины XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966.
5. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д–78. Оп. 1. Д. 138.
7. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860-х гг. Новосибирск, 1963.
8. Жидков Г.П. О наемном труде на алтайских заводах в XVIII – первой половине XIX в. // Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 610.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 60. Оп. 1. Д. 19.
11. Кулибин А.И. Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1833 г. // Горный журнал. СПб., 1836. Ч. 1. Кн. 1.
12. ГАТО. Ф. 62. Оп.1. Д. 43.
13. РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 360.
14. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 89.
15. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1885.
16. ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 23.
17. Лукичев С.С. О поставках приписными крестьянами Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3.

УДК 93/99

Е.С. Юрьева

УЧАСТИЕ ЗЕМСКИХ УПРАВИТЕЛЕЙ В МОБИЛИЗАЦИИ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАВОДСКИХ РАБОТ В КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОМ (АЛТАЙСКОМ) ГОРНОМ ОКРУГЕ

Томский государственный педагогический университет

Проблемы развития аппарата управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа привлекают внимание многих исследователей. Предметом исследования становятся как высшие органы системы управления, так и низовые ее звенья, игравшие большую роль в производственной системе. Предметом нашего исследования являются земские управители – среднее звено производственной системы, их роль и значение в организации заводских отработок. В работах дореволюционных историков содержатся фрагментарные сведения о земских управителях и об их месте в системе управления приписной деревней [1, 2]. Значительную

ценность и наибольший интерес представляют труды Е.М. Борблик, А.Н. Жеравиной, Т.С. Мамсик и Т.Н. Соболевой по проблеме управления приписными крестьянами Алтая [3–9]. Однако отдельных работ, посвященных специально земским управителям, пока не имеется. Не претендуя на полное освещение поднятого вопроса, попытаемся раскрыть роль земских управителей в производственной системе кабинетского хозяйства.

Заводы Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа находились в особом положении, что было подмечено еще дореволюционными исследователями. В отличие от других горных заво-

дов России, они не подчинялись Берг-коллегии или каким-либо другим центральным и местным органам власти, кроме Кабинета Её (Его) Императорского Величества [10–12].

Местное управление в селениях приписных крестьян принадлежало Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства (с 1828 г. Алтайское Горное правление), которое по всем делам, касающимся приписных, действовало через земских управителей, а те – через земские избы (волостные правления)¹. По всем предметам хозяйственного управления крестьяне были подведомственны только вышеназванным начальникам [13, № 1793, с. 320; № 1794, с. 320].

Между Кабинетом и крестьянами существовала иерархическая лестница из различных ведомств, управлений, чиновников, но в непосредственной близости к крестьянству находились земские управители. На введение этой должности в округе с 1760 г. повлиял положительный опыт деятельности приказчиков «партикулярных» заводов. Это следует из резолюций Кабинета Её Императорского Величества на рапорты и доношения канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства под № 3469 «об определении в приписные слободы управителей...» [14, с. 37–38]. До 1797 г. они управляли слободой, а с 1797 г. волостью. Общее число селений, подчинявшихся одному управителю, колебалось от 66 до 172 [3, с. 195].

Земских управителей назначал начальник Колывано-Воскресенских заводов из числа чиновников, имеющих классный чин. Различие в чинах было значительным – от 13-го до 7-го класса [3, с. 195]. С первой четверти XIX в. вводится практика назначения на данную должность только заводских чиновников [15, л. 1].

Служебные обязанности земских управителей в приписной деревне Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа во второй четверти XIX в. были зафиксированы в законе. К ним относилось:

1. Наблюдение за волостными правлениями во время составления ими предварительной раскладки на крестьян повинностей заводских по предписанию Горного правления.

2. Попечение о высылке крестьян к работам по этой раскладке [13, № 1794, с. 320].

3. Составление ревизских сказок о числе душ.

4. Сбор казенных податей.

5. Исправления рекрутской повинности [13, № 1916, с. 337].

6. Наблюдение за волостными правлениями во время раскладки на крестьян земских повинностей.

7. Надзор за употреблением сборов на мирские расходы.

8. Ведение счетов обо всех сборах с крестьян производимых, употребления таковых и остатков с них [13, № 1794, с. 320].

9. Дела по заведению сельских магазинов, сборов в них хлеба и раздача его в ссуду.

10. Дела по переселению крестьян.

11. Дела по наделению крестьян землями и снабжению лесом.

12. Дела по увольнению крестьян в купечество, мещанство и другое состояние.

13. Ходатайство за крестьян по делам следственным, тяжёлым и судным [13, № 1916, с. 337].

14. Доставка Горному правлению сведений о происшествиях в селениях приписных крестьян. Эти сведения посылались от управителя в одно время с донесениями его Земскому суду.

15. Сбор разных сведений «до хозяйства крестьян относящихся» [13, № 1794, с. 320].

В первой половине XIX в. Алтайский округ остаётся едва ли не единственным крупным горным округом в России, где в широких размерах эксплуатировался труд приписных крестьян. На Урале указом 15 марта 1807 г. приписные крестьяне были освобождены от заводских повинностей, которые стали выполнять непременно работники, выделенные из тех же крестьян. В Алтайском горном округе, в отличие от Урала, не были введены непременно работники, и приписные крестьяне продолжали нести заводскую барщину. Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов от 16 апреля 1828 г. (его проект был составлен управляющим Кабинетом Д.А. Гурьевым) официально утверждало закрепощение государственных крестьян, приписанных к Колыванским заводам.

Основной повинностью приписных крестьян были работы, необходимые для функционирования заводов и рудников. Крестьяне были заняты как на строительстве заводов, так и в самом заводском процессе. Наибольший объём работ они выполняли во вспомогательных отраслях заводского хозяйства: добыча руды, флюсов, древесного угля, дров, точильного камня, строительных материалов; транспортировка сырья.

В круг обязанностей земских управителей входило наблюдение за волостными правлениями во время составления ими предварительной раскладки на крестьян повинностей заводских и попечение о высылке их по этой раскладке. Также по предписанию бывшего начальника Колыванских заводов Качки от 29 октября 1785 г. управители должны были объявлять через волостные правления на мирских сходах о правах крестьян во время выполнения ими заводских работ [16, л. 673–674].

¹ Временный отказ от сложившейся системы управления горнозаводским хозяйством произошел в 1779–1797 гг.

Волостные правления (до 1797 г. земские избы и старосты), получив через земского управителя сведения о числе душ работы, приходящейся на волость, собирали волостное общество – мир, который и выбирал особых раскладчиков, людей «добросовестных», которые определяли, кто именно и какую работу в каком объеме должен выполнить. Избранные крестьяне приводились к присяге «наперед в том, что они ни по родству, ни по дружбе, ни по другому какому-либо пристрастию в назначении к работам не будут отягощать одних крестьян перед другими, а учинять оное уравнительно по чистой совести». С раскладчиков бралась подписка, чтобы им при раскладе никто препятствий не чинил [1, с. 26].

Инструкцией о раскладе от 31 марта 1748 г., которой должны были руководствоваться выборные, предписывалось работы располагать на годных работников в возрасте от 15 до 60 лет или старше, если они могли выполнить работу наймом. Негодными признавались старые, малолетние, дряхлые, слепые, без рук, без ног и «другими болезнями одержимые» и неимущие; они приписывались к годным в работы по частям, «кому, что по раскладу и по расположению придет».

На основании расклада составлялись раскладные росписи работ, «каждый по месту жительства своего» (как сказано в учреждении 1763 г.), т.е. каждый для своей деревни, с показанием какую работу, в каком месте и за сколько душ он обязан исполнить. Положение 1828 г. изменило этот порядок в том отношении, что присутствие при раскладе священников и сельских властей было отменено, а вместо выборных от каждого острога и больших деревень предписано было выбирать раскладчиков общим сходом всей волости по одному на каждые 15 дворов [1, с. 23, 26]. При этом земским управителям предписывалось не вникать в саму процедуру расклада, кроме тех случаев, когда потребуется «защищать крестьян от крайней несправедливости их же братии».

Затем земская изба (волостное правление) составляла раскладные росписи в трех экземплярах вместе с окладными книгами по волости. После проверки Канцелярии один экземпляр отсылался в ту заводскую контору, где крестьяне, названные в раскладе, должны были работать, другой – земскому управителю, а третий оставался в канцелярии, для справок [1, с. 25–26]. На основании этих книг затем производилась высылка крестьян на работу [17, л. 46–46 об.]. По окончании расклада заводских работ все назначенные в них крестьяне разделялись по добровольному согласию на десятки и скреплялись круговою порукою в том, что работу «порядочно и в надлежащее время исправят».

После составления окладных книг главное внимание земских управителей сосредоточивалось на

обеспечении явки крестьян на работу. Попечения о высылке крестьян к работам по раскладке являлось их прямою обязанностью. При организации процесса высылки крестьян управители должны были учитывать временной фактор. С одной стороны, время выполнения работ было определено законом, с другой стороны, из-за невыполнения частью крестьян своих повытков могли остановиться заводы, и тогда было не до законов; в таких случаях следовало высылать приписных по первому требованию контор в любое время года [18, л. 438, 503–504, 533 об., 545, 546 об.]. При выполнении некоторых работ приходилось учитывать и такой фактор, как, например, наличие зимнего конного пути [18, л. 438]. В предписаниях управителей правлениям часто встречается формулировка, что наступивший удобный зимний путь дает возможность крестьянам приступить к выполнению конных заводских работ [18, л. 533–533 об., 536–536 об.].

Ежегодно тысячи приписных крестьян отправлялись на заводскую «барщину», нередко на расстояние в несколько сот верст. Управители предписывали выезжать организованно, крупными группами, при определенных работах – с принадлежностями, например, для выполнения перевозки угля требовалась лошадь и сбруя [18, л. 438–438 об., 533–533 об., 536–536 об., 545–547 об.].

Процесс высылки обеспечивался управителем через волостных начальников. Волостной голова с писарем или помощник должны были ехать по селениям для высылки крестьян [18, л. 519, 533–533 об., 536–536 об., 545–545 об.]. Высылка производилась под наблюдением выборных лиц из крестьян и нарочных отводчиков. Впервые с проблемой выполнения крестьянами заводских работ заводская администрация столкнулась в 1748 г., когда Кольванская заводская контора рапортовала, что некоторые крестьяне вообще не пошли на работу, другие разошлись, не дойдя до места работы, третьих пришлось не допускать до нее из-за «малолетства». Всего таких крестьян оказалось 123 человека. С этого времени, по распоряжению Канцелярии горного начальства, сотникам и десятским было приказано не только высылать крестьян на работу, но и сопровождать их до места работы [18, л. 438, 519].

Алтайский управитель Зубарев в январе 1827 г. при объезде находящихся в его ведении селений следил за высылкою крестьян в заводские работы и нашел, что многие крестьяне, которые должны по расположению исправлять эти работы, нанимают за себя другого и даже из других волостей крестьян без позволения местного начальства. Однако он не смог определить, кто именно эти наниматели и их наемщики. Он не мог также объяснить, почему волостные правления не соблюдают при найме крестьян друг за друга в работы правил, изложенных в

циркулярном предписании Главного начальника заводов всем волостным правлениям от 12 мая 1826 г. После этого случая всем управителям было предписано собрать в селениях сведения от волостных начальников, старост и писчиков о нанимателях и наемщиках и эти сведения представить в Канцелярию [18, л. 416–416 об.].

На основании данного распоряжения Горного начальства управитель Зубарев предписал Белоярскому волостному правлению следующее: 1. Немедленно командировать в селения волостного голову или старосту с писцом – сверх личного его удостоверения. «Сделать разыскание среди крестьян, которые по доставленным от контор росписям показываются неявившимися в конные работы, действительно сами вышли к исправлению их, если же все не вышли, то кого с чьего позволения наняли, то есть волостного правления, сельского старшины или заводской конторы и кто же наемщики и где их местопребывания, звание, имя, отчество и когда договорились о работе, цене и сколько получили вперед в задаток денег или чего другого, и на какую сумму». 2. Если за кого-то из наемщиков работа не будет выполнена, то вместо этого крестьянина было велено исправить сотней и десятком. На будущее время волостные правления должны были строго запретить крестьянам, чтобы они без гласных и против «узаконенных» не нанимали за себя «под опасением взыскания». Волостным правлениям было предписано о таких противоправных действиях немедленно доносить управителю [18, л. 416 об.–417].

Случаи найма в заводскую работу были довольно распространенным явлением уже с первых лет существования кабинетского хозяйства. В 1749 г. был издан указ, вызванный тем, что многие трудоспособные крестьяне, которым полагалось зарабатывать подушный оклад за «негодных», зарабатывают и просят за выполненную работу не по подушному окладу, а по 5 руб. и более с души, заявляя, что и сами платят столько. Указом объявлялось, что годные нанимают выполнять расположенную на них работу за негодных исключительно потому, что «по своей лености не хотят сами работать», и повелевалось с негодных взыскивать лишь то, что положено в счет подушного оклада, отдавая взысканные деньги тем, кто за них выполнял работу сам или по найму, и более с них не требовать [19, с. 139].

В данном указе нашел отражение не частный случай, имевший место в конце 40-х гг. XVIII в. Он зафиксировал общее положение в приписной деревне, когда крестьяне, на которых располагалась работа за других, прибегали к найму. Контроль над правильностью найма ложился на плечи управителей. Они должны были следить, чтобы наниматели не переплачивали наемщикам. По указу 1749 г. признавалась недопустимой переплата за работу по

найму выше подушного оклада, а позднее – не выше двойного размера [19, с. 140]. Наемщики должны были допускаться к работе только в случае соблюдения всех требований, главным образом при наличии документально оформленного разрешения на наем на работу и при условии способности нанявшегося выполнить ее [19, с. 142]. В противном случае работа спрашивалась с крестьянина, на которого ее расположили.

О высылке крестьян управители и волостные правления (земские избы) должны были посылать указы соответствующим заводским и горным конторам, чтобы те подготовили все необходимое для выполнения крестьянами своих повытков [18, л. 438–438 об.].

Понуждение крестьян к заводским работам было для горной власти делом хлопотным и нелегким, ибо оно всегда наталкивалось на неповиновение приписной деревни. Поэтому были не редкостью случаи участия военных в деле высылки. Горная власть держала под рукою Кольвано-Воскресенский горный батальон, из которого формировались военные команды, посылаемые в деревню.

В 1827 г. в волости Барнаульского, Кольванского и Чарышского управителей командировали «исправных и хорошего поведения» трех человек рядовых 4-го горного батальона для высылки крестьян к работам, чтобы перевозка угля в Змеевский завод и рудник была выполнена своевременно зимнею дорогою. По явке из 4-го горного батальона солдата Андрея Огнева в 1827 г. Белоярскому волостному правлению предписывалось управителем Зубаревым немедленно командировать с ним волостного начальника в те селения, где окажутся неисправившие крестьяне или не имеющие квитанции об исправлении работы. Волостному начальнику было поставлено в строгую обязанность, чтобы он «по взятой с собой именной из волости росписи крестьян, которые не исправили своих повытков, остающихся при своих домах», выслал при нарочных отводчиках и выборном [18, л. 555–556 об.].

О прибытии рядовых управители докладывали управляющему 4-м горным батальоном, а о высылке крестьян и возвращении рядовых – Канцелярии [18, л. 556].

Участие управителя в высылке не явившихся на заводские работы крестьян сводилось к следующему. После получения предписаний от Главного начальника заводов, Канцелярии или заводских и рудничных контор о неисполнении работ и необходимости высылки крестьян «без малейшего послабления» он предпринимал следующие шаги [18, л. 410; 20, л. 427]. О количестве неисправленной крестьянами работы писарю предписывалось составить выписку и с приложением отправить ее волостному правлению [18, л. 410 об.]. С получением выписки

волостной голова или староста с писарем отправлялись в селения. Раскладчиков обязывали в каждом селении перебрать крестьян, расположенных в работы, и «если кто не имел квитанции о выполнении работы, не принимая от них в незаконном найме никаких отзывать», таковых собирать в несколько пунктов «как дозволит близость селения» [18, л. 503–504, 546 об., 548–548 об.]. Одну часть их них отправляли с выборным того села, за которое должны нетчики идти в работу, а остальные 2 или 3 части каждую при особом нарочном, сотнике или с тем, «кого за пособие находило» волостное правление не из числа нетчиков [18, л. 410 об.–411, 546 об.–547].

Также по распоряжению управителя от волости голова или староста должны были после первого объезда по селениям еще раз 3–4 совершить его и убедиться, что все недавние «нетчики имеют квитанции», и что никто не оставлен при своем доме отводчиками. Если же таковые находились, то их следовало немедленно выслать к месту выполнения работы [18, л. 410 об.–411].

Посланные по этому поручению после его выполнения отправляли в волостное правление отчет о том, кто из нетчиков, за какой год, в какой завод, в какую работу и с кем именно выслан. А волостное правление, получив отчет, составляло роспись, одну представляло управителю, а другую отправляло в заводскую контору [18, л. 411 об.].

После этого управитель обязывал волостное правление послать одного из волостных начальников в те места, куда крестьяне высланы, и удостовериться, все ли они дошли. Если кого не окажется, то за них нужно было выполнить работы на основании существующих узаконений. За находящихся в бегах и умерших должно было распорядиться общество, что оно найдет более удобным, но запрещалось производить денежный сбор или брать средства из общественной суммы на оплату найма. Выборным строго подтверждалось, чтобы они строго следили за успешным выполнением работ крестьянами. После этого управитель объезжал селения и если наблюдал слабую высылку и выполнение крестьянами работ по беспечности и «недеятельности» волостных начальников, писаря, помощника и сельских старшин, то доносил об этом начальству, которое могло подвергнуть виновных наказанию.

Нередки были случаи личного участия управителя в деле высылки крестьян. Так, в январе 1827 г. значительное число крестьян Белоярской волости не вышло на выполнение заводских конных работ, и управителю Зубареву предписывалось немедленно отправить их в конные работы в те места, где они выполняются зимою. И до тех пор не выезжать из селений, пока все крестьяне «не представят в выполнении» своих повытков квитанции от заводских и горных контор» [18, л. 410]. В ведении управителя Зубарева

на декабрь 1827 г. значилось крестьян в неявке к возке угля за 1826 г. 13 $\frac{3}{4}$ души и за 1827 г. – 251 $\frac{1}{4}$ души; ему предписывалось «ныне же состоящих вне отработки перевозкою угля при Змеевском заводе крестьян немедленно выслать в эту работу, занявшись этим делом лично» [18, л. 546–546 об.].

На следующем этапе организации заводских работ (контроле и учете) управители осуществляли внутренний контроль над объектом управления – крестьянами, расположенными в работу; над решениями волостных правлений; результатами выполнения работ с определенной регулярностью.

Земские управители обязаны были вести в исправности счета о количестве работ, которые должны были отработать приписные крестьяне, об их исполнении [13, ст. 1929].

Сведения от правлений об успехе высылки, кто, когда и с кем из нарочных был выслан, доставлялись управителю через каждые 7–10 дней [18, л. 411 об., 415, 503–504, 536–536 об., 547 об.]. Реже была формулировка «рапортовать в непродолжительном времени» и требование доставить именные росписи «сверх обыкновенных ведомостей», а себе оставить копии [20, л. 429; 18, л. 533 об., 548 об. 556 об.].

Крестьянский мир связывался круговой порукой ответственности за не явившихся на работы. За неявку жестоко наказывали, причем и не явившихся, и выборных – за «несмотрение». В 1812 г. один из земских управителей писал в рапорте Канцелярии, что будет наказывать сельских старшин палками, а крестьян лозами за невысылку и неявку на работу.

За невыполнение в срок крестьянами заводской «барщины» горное начальство строго спрашивало и с земских управителей, и с представителей сельской администрации. Известны факты, когда за недостаточную исполнительность подвергали штрафу земских управителей и сельскую администрацию, заставляли выполнять казенную работу на заводах и рудниках, иногда подвергали телесным наказаниям [1, с. 14].

Сохранилось мнение одного из управителей – Зубарева о причине неудач в организации заводских работ, с которой сталкивались многие управители. Оно сводилось к тому, что неисполнение крестьянами конных заводских работ за 1827 г. произошло единственно только из-за беспечности действий волостных правлений, волостных начальников, писарей и сельских старшин, которые, несмотря на многократные предписания и личные распоряжения управителя, допустили недоимки в конных работах, которых не должно было быть, исходя из благоприятной зимней погоды, удобства в прокорме лошадей и «по значительнейшему проходу времени», так что «за узаконенный для выполнения конной работы срок прошел целый месяц» [18, л. 410–410 об.].

За «недолжное» исполнение своих обязанностей с виновных волостных начальников или управителей взыскивалось строго, особенно «если бы от недействительной высылки крестьян и невыполнения перевозкою угля завод мог остановиться», и работу выполняли за их счет [18, л. 410, 536–536 об., 546 об.–547 об., 555–556 об.].

Явка крестьян к работе еще не означала снятия ответственности с волостных начальников. Так, в предписании 1827 г. управителя Зубарева Белоярскому волостному правлению значилось, что если крестьяне при первой зимней дороге к исполнению своих помытков в Барнаул явились, но без лошадей и необходимой для того упряжи и «от того произойдет по неимению в заводе угля остановка в действии его», то это будет на ответственности волостного головы, который делом этим «недействительно занимался» [18, л. 533–533 об.].

По приказу управителя писарей могли подвергать аресту за недоставление сведений об исполнении его предписаний. Так, писаря Белоусова Тутальской волости три дня держали под арестом в волостном правлении «с наложением цепи» за «несправедливые от сего правления сведения, что все

онные» крестьяне «в возку угля высланы, но когда, с кем и есть ли о приеме их от конторы квитанции, не пояснил» [19, с. 113]. В следующем году вновь было выявлено упущение писаря Белоусова, рапортовавшего о высылке «нетчиков на работу со старшинами». Но в завод, как оказалось, выслали самую малую часть «нетчиков и то без старшин». Управитель приказал «при личном надзоре писаря» всех «нетчиков» доставить к месту работы.

Управители несли ответственность не только за высылку крестьян к работам, но и за расположение ее на них. Так, управитель Ф. Пятков был наказан батогами в 1768 г. за грубые нарушения в расположении и наряде крестьян на работу [19, с. 118].

Действия земских управителей в деле наблюдения за земскими избами (волостными правлениями) во время составления ими предварительной раскладки на крестьян повинностей заводских и в решении вопросов о высылке приписных крестьян к месту работ носили мобилизационный характер. И на протяжении всех этапов управления они проводили контроль, учет и анализ действий волостных начальников.

Поступила в редакцию 15.09.2006

Литература и источники

1. Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. I.
2. Прутченко С. Сибирские окраины. СПб., 1899.
3. Борблик Е.М. К вопросу о земских избах как низшем звене системы местного управления Колывано-Воскресенского горного округа во второй половине XIX века // Актуальные вопросы истории Алтая: Межвуз. сб. Барнаул, 1980.
4. Жеравина А.Н. Управление приписными крестьянами во второй половине XVIII в. // Из истории Сибири. Томск, 1974.
5. Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Томск, 1985.
6. Мамсик Т.С. Взаимоотношения сельских общин приписных крестьян с администрацией Колывано-Воскресенских горных заводов в 50–80-х годах XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1976.
7. Соболева Т.Н. Проект социально-экономических преобразований на Алтае М.М. Сперанского // Социально-экономическое развитие Алтая в XVII–XIX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 1984.
8. Соболева Т.Н. Управление приписными крестьянами Алтайского горного округа в 20–50-х гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск, 1991. Вып. 1.
9. Соболева Т.Н. Управление горнозаводским хозяйством кабинета на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. // Алтайский сборник. Барнаул, 1991. Вып. XIV.
10. Кулибин А.. Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1833 г. // Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящихся. 1863. Ч. 1. Кн. 1–3.
11. Голубев П.А. Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития алтайского горного округа. Томск, 1890.
12. Голубев П.А. 200-летие русской горной промышленности. Доклад, чит. ... 6, 13 и 20 октября 1900 г. Пермь, 1904.
13. Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 7. Ч. 3.
14. Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919. Сборник документов. Барнаул, 2003.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Оп. 18. Д. 632.
16. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 9. Оп. 2. Д. 9.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 61. Оп. 1. Д. 80.
18. ГАТО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 16.
19. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005.
20. ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 23 а.